

Мокрая осенняя листва пахла неприятно — плесенью и смертью. От этого запаха потом приходилось долго избавляться под горячим душем, но он все равно еще пару дней преследовал. Пистолет привычно лег в ладонь, курок взведен, патрон в стволе... Все как обычно, и вдруг — собачий лай, приближающийся очень быстро. Рука дрогнула, выстрел, очевидно, пришелся не туда, но уже нет времени исправлять, надо уносить ноги, пока неизвестная собака не добралась и не устремилась в погоню.

Бежать, бежать как можно быстрее — домой, в душ, под горячую воду. Потом сварить кофе, выпить и лечь под одеяло, накрыться с головой и затихнуть. В буквальном смысле затихнуть на пару недель. На ту пару недель, во время которых станет легче, перестанет болеть голова, прекратятся эти мучительные сны, толкающие на поиски очередной жертвы. Пара недель тишины и покоя...

А потом все начнется снова. Охотник и жертва. И кто выиграет в поединке — даже сомневаться не приходится...

Город Вольск, наши дни

Ночные кошмары перестали мучить ее около года назад — спасибо поистине изнурительному труду психотерапевта. Ева наконец-то смогла выспаться за все те годы, что ей приходилось то и дело вскакивать среди ночи и менять мокрую от пота рубашку, пить успокоительное и снотворное и потом долго лежать в темной спальне без сна, глядя в потолок, по которому разбежались флуоресцирующие звезды. Такой потолок был у нее в детской...

«Все, хватит! — одернула она себя, решительно дотягиваясь до браслета и выключая дребезжащий звук будильника. — Какая детская, мне уже скоро сорок! Хватит в этом копать».

Но не копать оказалось невозможно — прошлое то и дело наступало, наносило какой-то удар, от которого Ева не успевала увернуться, потому что не была к нему готова, не знала, в какой момент прилетит и откуда.

Сегодняшний день не стал исключением, хотя ничего, как говорится, не предвещало.

Сварив кофе, Ева присела к небольшому столику у окна в кухне, открыла ноутбук и развернула новостную страницу.

От первого же заголовка рука, державшая чашку, задрожала, и горячий кофе выплеснулся на колени. Ева даже не сразу заметила это, продолжала сжимать ручку пустой чашки и остекленевшим взглядом смотреть в монитор, где расплывалась черная фраза:

«Новый поворот в деле Бегущего со смертью».

МАРИНА КРАМЕР

Москва, наши дни

Тимофей Колесников, рано начавший сидеть видный мужчина лет пятидесяти, лежал в спальне своего загородного дома и лениво просматривал новости. Журналист Колесников любил быть в курсе всех последних событий, а особенно ревниво следил за журналистскими расследованиями — сам специализировался на подобном, а потому предпочитал знать конкурентов в лицо и по почерку.

«Бегающий со смертью может выйти на свободу после отбытия срока в восемнадцать лет из тех двадцати пяти, что он получил», — этот заголовок на интернет-портале большого, но провинциального города заставил Тимофея сесть и отложить планшет.

Прозвище «Бегающий со смертью» к серийному убийце Леониду Вознесенскому приклеилось ровно восемнадцать лет назад, как раз после серии статей, написанных Колесниковым по материалам громкого дела. И теперь, выходит, кто-то еще решил окучивать эту поляну..

Тимофей снова взял планшет и пробежал глазами статью до последней точки, до фамилии автора — В. Стожникова.

— Вера, Валя, Варя? — забормотал Колесников, выбираясь из постели. — Откуда такая информация у журналистки из провинциального интернет-издания? И главное: почему у нее есть, а у меня — нет?

Источник в Следственном комитете у Колесникова был надежный, он всегда снабжал Тимофея самыми свежими данными о громких расследованиях и уж о таком повороте в деле Бегущего должен был предупредить непременно.

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

— Придется навестить лично, — направляясь в душ, решил Колесников.

Город Вольск, год назад

Василиса Стожникова, которую окружающие до сих пор, как в детстве, называли Васёной, завершала свою утреннюю пробежку по набережной. В наушниках плескалось море — его звук всегда настраивал ее на нужный лад, тело совершало привычные движения — бегать Васёна начала в десять лет вместе с отцом, военным корреспондентом, привыкшим держать себя в хорошей физической форме, чтобы быть готовым в командировках к любым сложностям. Вот и его дочь, которой недавно исполнилось двадцать семь, приучила себя вставать ни свет ни заря в любую погоду и, вставив наушники, выбегать на набережную.

Внешне Васёна больше походила на подростка: невысокая, худенькая, с неизменным хвостиком на макушке, в больших очках на чуть курносом носике. Однако те, кто знал ее давно и близко, могли сказать с уверенностью, что Василиса Стожникова — девушка с железным характером и очень сильной волей. Внешняя subtilность этого, конечно, не предполагала.

Факультет журналистики Васёна окончила с красным дипломом, осела на местном новостном интернет-портале, но до сих пор ничего «громкого» не написала.

— Тему всей жизни можно искать как раз всю жизнь, — отшучивалась она, когда отец, вернувшийся-

ся из очередной командировки, интересовался ее делами. — Пока меня вполне устраивает собственная криминальная колонка.

— Живописуешь, как алкаш Геннадий в пьяной драке убил бомжа Василия? — усмехался отец.

— И такое бывает, — кивала Васёна, ничуть не обиженная его словами. — Ты тоже не сразу стал тем, кто есть. И в горячие точки тоже попал не после получения диплома. Так что и у меня все впереди.

Но это призрачное «впереди» никак не обрело четких контуров, а заметок, о которых с иронией отзывался отец, становилось больше, и Васёна начала понемногу унывать — ну какое тут имя сделаешь, если приходится писать о таком. Но «громкой» темы никак не попадалось. И вдруг...

Она просматривала новостные сайты и, увлекшись, перешла по ссылке, оказавшись на страничке какой-то белорусской газеты. С экрана ноутбука на Васёну смотрело мужское лицо — черно-белый снимок, больше похожий на фоторобот. В мозгу словно вспыхнул фонарик, осветил на миг тропинку и снова потух, как будто села батарейка, но Васёна начала лихорадочно вспоминать, где могла видеть этого человека — или кого-то, на него похожего. Она попыталась прочесть статью, но прорваться сквозь хоть и созвучные, но все равно малопонятные слова было сложно, пришлось воспользоваться переводчиком.

«В квартире младшего брата известного бизнесмена и мецената Тиханевича обнаружен незарегистрированный пистолет. Владелец оружия скрылся, он объявлен в розыск».

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

— Тиханевич... — пробормотала Васёна, словно пробуя фамилию на вкус. — Нет, ни о чем... но лицо... где я могла видеть это лицо?

Остаток дня Васёна, не отдавая себе отчета, зачем делает это, провела в интернете, собирая информацию о бизнесмене Тиханевиче.

Набралось негусто: у шестидесятилетнего Анто́на Тиханевича не оказалось практически никакой биографии до того момента, как в Беларуси занялся вполне мирным и, очевидно, доходным делом — он владел молочным комбинатом, собственной фермой и довольно большой пасекой. Называлось все это громко: концертн «Мед и молоко», так же как и обширная сеть супермаркетов, куда, по всей видимости, шла основная часть продукции.

— Нет, это все классно, — бормотала Васёна, поправляя пальцем сползавшие с переносицы очки, — но фоторобот-то не его, а брата... а вот по брату ничего, как интересно...

— Стожникова, ты н-ночевать в офисе б-будешь? — прогремело над головой, и Васёна подскочила в кресле:

— Рома! Ты нормальный вообще?!

— Н-нет! — весело подтвердил высокий блондин в голубой футболке поло и темно-серых джинсах, разворачивая кресло вместе с Васёной к себе. — Я ненормальный, потому что давно мог пить пивко д-дома на диване, но сижу тут смирно и ж-жду, пока ты закончишь.

— Ну, так и не ждал бы, — буркнула Васёна, страшно не любившая таких вот шуток и сюрпризов.

МАРИНА КРАМЕР

— Да? А домой ты как п-пойдешь? Темно уже совсем — не з-заметила?

— Что я — маленькая? Да и что тут идти...

— Васька, п-прекрати! Я обещал твоему отцу, что всегда буду за тобой присматривать, когда его нет. С-собирайся.

Роман чуть толкнул кресло, и легкая Василиса пролетела в нем как раз до шкафа, где одиноко болталось на вешалке ее бежевое пальто.

— В-выключаю комп? — спросил Роман, наклоняясь над столом.

— Флешку только вытащи, я там сохранила кое-что, дома почитаю.

— То есть у-ужинать со мной ты не пойдешь?

— А мы договаривались разве? — наматывая во круг шеи шарф, расписанный головами лошадей и цепями, удивилась Васёна.

— Чтобы поужинать после р-работы, договариваться нет с-смысла. Вот твоя ф-флешка. — Роман протянул ей кожаный футляр. — Так что — идем?

Василиса уже открыла рот, чтобы отказаться, но потом вспомнила, что в холодильнике совершенно пусто, и согласилась:

— Идем. Если честно, я умираю от голода.

— Тогда я б-быстро за курткой, а ты пока д-дверь запри, — распорядился Роман и в три прыжка покинул кабинет.

Рома Васильев был старше Васёны на десять лет, работал в их издании редактором новостей и считался безнадежным холостяком. С отцом Василисы его связывала давняя дружба и несколько коман-

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

дировок в различные горячие точки. В одной из них Роман попал под обстрел вместе с группой армейской разведки, его тяжело контузило, и теперь Васильев довольно заметно заикался, плоховато слышал и страдал припадками вроде эпилептических, но это случалось нечасто — только если что-то волновало Романа слишком сильно.

В это издание его тоже устроил отец Василисы, хотя Роман сопротивлялся — не хотел протекции от именитого коллеги, пусть и друга. Но Владимир Михайлович подвел под это совершенно иную базу: попросил друга приглядывать за дочерью, которая оставалась одна во время его командировок. И хоть Василисе было уже двадцать семь, отец все равно волновался за нее. Он растил девочку один с семи лет. Мать Василисы погибла, и об обстоятельствах ее смерти Владимир Михайлович с дочерью никогда не говорил.

Роман согласился и на самом деле присматривал за Василисой, провожал домой, забегал в гости — и сам не заметил, как почувствовал, что без этой девушки его день становится пустым и каким-то бесполезным, даже если при этом его в буквальном смысле заваливали работой.

Васёна же, казалось, совершенно не понимала и не замечала более чем дружеского отношения к ней со стороны Васильева. Наоборот, ей иногда казалось, что Роман тяготеет своими обязанностями «старшего брата». Ну в самом деле, мог бы после работы пиво пить или с женищинами встречаться, а он провожает ее домой и следит, чтобы поужинала и дверь на два замка закрыла. Правда, пиво Роман

не пил, как и вообще любое спиртное: последствия контузии под парами алкоголя давали о себе знать совершенно неуправляемыми всплесками ярости, и Васильев, столкнувшись с таким пару раз, решил, что не стоит испытывать судьбу. Так что фраза «попить пивка» в его случае означала всего лишь спокойное времяпрепровождение дома.

— Ты чего х-хмурая такая? — спросил он, когда они с Васёной вышли из здания, где размещался офис, и направились в сторону центральной части города.

— Да вот наткнулась тут... и в голове что-то шевелится, а что — не могу понять, — пожаловалась она.

— Н-на что наткнулась?

— Да на фоторобот... даже не фоторобот, а просто снимок черно-белый. И у меня такое ощущение, что я этого человека видела, а вот когда и где — не могу сказать. Понимаешь, не могу вспомнить, хотя чувствую, что точно видела его — вот так, как тебя.

— Ну, Вась, все люди на кого-то п-похожи, может, просто с-совпадение?

— Тогда почему меня это никак не отпускает? Если просто совпадение?

— Да п-просто лицо какое-нибудь н-нестандартное, вот и все, — пожал плечами Роман.

— Лицо-то как раз вполне стандартное... — Васёна полезла в сумку и вытащила сложенный вчетверо листок — распечатанную статью из белорусского издания. — Сам вот посмотри.

Роман взял листок, развернул и долго всматривался в изображение.

— Ну, ты *n*-права — лицо совершенно обычное. Можно даже *c*-сказать — типичное европейское, никаких особых *n*-примет. И это *t*-только подтверждает мою теорию: все люди в *n*-принципе схожи. Ты раньше видела кого-то *n*-похожего, вот и всё.

Васёна нахмурилась, отобрала у Романа листок и сунула в сумку, пробормотав недовольно:

— Просила ведь — не разговаривай со мной как с ребенком...

— И в *m*-мыслях не было! — заверил Роман, обнимая ее за плечи и притягивая к себе. — Ты у меня *v*-взрослая и *c*-самостоятельная.

— И не у тебя. — Васёна вдруг показала ему язык и, вывернувшись из-под руки, побежала вперед по аллее к кафе: — Догоняй, а то голодным останешься!

Город Вольск, наши дни

— Я не знаю, как теперь жить...

Ева съезжилась в большом мягком кресле, обхватила себя руками, стараясь унять противную дрожь в теле. Трясти ее начало еще дома, она с трудом собралась и кое-как доехала до кабинета психотерапевта, который, к счастью, всегда находил возможность принять свою давнюю пациентку, если той требовалась его помощь.

— Давай делить проблему на мелкие части, — привычно предложил он, садясь напротив и закидывая ногу на ногу. — Ты ведь помнишь, что любая задача становится более простой, если пытаться решить ее не целиком, а постепенно.

МАРИНА КРАМЕР

— Но я не понимаю... не понимаю...

— Ева, для начала давай успокоимся. Паника — не выход, она только мешает и нагнетает. Посмотри на меня.

Она с трудом заставила себя поднять глаза и взглянуть в лицо Вадима — они уже давно были на «ты» и называли друг друга по имени, без отчества. Психотерапевт был немногим старше Евы, это почему-то облегчало ей общение.

— Так... молодец. Теперь делай глубокий вдох носом... хорошо, задержи дыхание, а теперь выдыхай через рот. Да, вот так. Еще раз. Задерживай дыхание сколько можешь, только потом выдыхай. Сосредоточься, Ева... Вдох носом, выдох ртом...

Монотонный голос Вадима звучал в голове, и Ева невольно прислушивалась, выполняла команды, чувствуя, как понемногу становится легче, уходит дрожь, перестают трястись руки, а мозг начинает избавляться от панических мыслей. Через несколько минут она совсем расслабилась, выпрямилась в кресле, села свободнее, опустила руки на подлокотники.

— Ну, успокоилась?

— Да... Почему я никогда не могу сделать это сама? Вроде ведь умею, все понимаю, а сама не могу, только с тобой...

— Ты просто ленивая, — улыбнулся Вадим.

— Ага... — согласно кивнула Ева, чувствуя себя намного лучше, чем в момент, когда перешагнула порог кабинета.

— Теперь поговорим конструктивно. Спокойно, без эмоций, рассказывай, что случилось.

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

Ева снова вдохнула и выдохнула так, как учил Вадим, и довольно ровно произнесла:

— Он может выйти на свободу.

— Откуда информация? — Вадим казался абсолютно спокойным, и Еве, словно подстегнутой этим спокойствием, удалось коротко рассказать о прочитанной утром статье. — Ну, это всего лишь вероятность, правда? Домыслы журналистки, не более.

— Но ведь она почему-то написала это? Значит, у нее есть точная информация из первых рук. Ну, не из первых, а допустим, от кого-то, кто решает такие вопросы.

— Ева, журналистика сейчас такая, что вообще мало чему можно доверять. Ради громкой статьи могут выдумать то, чего вообще быть не может.

— Вадим... ну я ведь не дуручка... Кому в голову придет выдумывать такое? И потом — ты не слышал разве, как вышел недавно на свободу человек, несколько лет державший в подвале двух девушек? Говорили, что он вообще никогда свободы не увидит, а он жив-здоров, даже интервью раздает.

— Не думаю, что Вознесенский может рассчитывать на условно-досрочное. С такими статьями оно просто не предусмотрено.

— Ты меня не услышал, что ли? В деле появились новые обстоятельства!

— На полтона ниже, пожалуйста, — поморщился от ее вскрика Вадим. — Есть официальный комментарий от Следственного комитета?

— Н-нет, — запнувшись, выдавила Ева.

— Тогда вообще не вижу смысла раньше времени паниковать. Любой преступник считает себя невиновным.

— Но Вознесенский так и не признал ни одного эпизода из двенадцати!

— И это не делает его автоматически невиновным, верно? Его же осудили, и улики против него было больше чем достаточно. Ты же сама его опознала — не могла ведь ты ошибиться?

Ева опустила глаза. После прочтения статьи в ней снова всколыхнулись прежние сомнения.

Во время следствия ей начало казаться, что человек, которого ей предъявили для опознания, может быть вовсе не тем, кто напал на нее в утреннем тумане парка. Однако следователь развеял ее сомнения, объяснив, что улики, собранные во время работы по этому громкому делу, не оставляют никаких шансов на то, что Леонид Вознесенский может оказаться не Бегущим со смертью. В его квартире были обнаружены тщательно и аккуратно упакованные в пакеты вещи, снятые с задушенных девушек: нехитрые украшения, заколки, и в каждом — срезанная с головы жертвы прядь волос. Был там и пакетик с сережкой-жемчужинкой и длинной белокурой прядью Евы. Эти неопровержимые доказательства убедили ее, и Ева больше ни в чем не сомневалась.

Она машинально прикоснулась к шраму на мочке левого уха — еще одному вещественному доказательству того, что ей все это не привиделось. Выжила тогда Ева каким-то чудом: пуля попала в печень, но в какой-то момент она из последних сил перевернулась на живот и попавший под бок камень сдавил рану, что уменьшило кровотечение. В таком виде ее и нашел гулявший с собакой парень, вызвавший «Скорую». Он же, по всей видимости, спугнул и маньяка, не успев-

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

шего выстрелить еще раз, если тот заметил, что первым выстрелом только ранил свою жертву.

Ей опять повезло: машина примчалась буквально за пару минут, ее сразу увезли в близлежащую больницу и там сделали операцию, перелили кровь. В общем, спасли, и Ева оказалась единственной выжившей жертвой Бегущего со смертью.

Но травмы физические оказались не так страшны, как то, что произошло с ней позже, уже после суда над Вознесенским. Предшествовавшие этому многочисленные экспертизы, допросы, очные ставки и опознания Ева смогла перенести только при помощи сильнодействующих препаратов, иначе сошла бы с ума гораздо раньше. Ей приходилось в деталях рассказывать обо всех мелочах, произошедших в тот день, многие из которых она предпочла бы забыть и не обсуждать ни с кем, а приходилось — со следователем, дотошно выспрашивавшим о подробностях нападения, изнасилования и последующего выстрела. После визитов к следователю она выпивала горсть снотворных и проваливалась в сон, чтобы спустя какое-то время снова окунуться в произошедшее.

После вынесения приговора Ева окончательно потеряла сон и аппетит, перестала выходить из дома, боялась солнечного света, и особенно наступавшего утра, когда за окном видела туманную дымку. Это сразу возвращало ее в тот день, казалось, что она даже ощущает запах влажной осенней листвы, даже если была зима. Откуда-то из глубины подсознания Ева слышала собачий лай, но этот звук ее не пугал, наоборот — внушал надежду на спасение. Так продолжалось полгода, а потом мать, не выдержав, почти силой уво-

локла дочь в психиатрическую клинику, подписала все документы и оставила ее там.

В стационаре Ева провела почти год, особых сдвигов не было, разве что препараты превратили ее в вечно вялое, совершенно безэмоциональное существо, каждое утро мучительно открывающее глаза и не знающее, как и зачем жить дальше. Из больницы ее выписали, но она возвращалась туда регулярно до тех пор, пока не решила покончить со всем этим кошмаром — попыталась отравиться большой дозой препаратов, щедро выписываемых равнодушным районным психиатром. К счастью, мать в тот день вернулась с работы раньше и обнаружила Еву, бездыханно лежавшую на полу в кухне.

Ее снова определили в стационар, предупредив мать, что, возможно, Ева никогда не сможет жить нормально и будет вынуждена переехать в какой-то пансионат для душевнобольных, но тут ей опять неожиданно повезло: лечить ее взялся Вадим — молодой, амбициозный и неравнодушный ординатор, которому после выяснения подробностей стало отчаянно жалко эту насмерть перепуганную маленькую девушку, которая совершенно потеряла смысл и желание жить.

За годы, проведенные в лечебнице, Ева перестала доверять врачам и надеяться на возвращение не то что к нормальной жизни, а к жизни вообще. Да и в условиях стационара она чувствовала себя более защищенной, чем в собственной квартире, — здесь утренний туман не мог проникнуть в зарешеченное окно палаты, это казалось какой-то гарантией. Так что появление нового врача она восприняла равнодушно: какая разница, кто будет назначать процедуры и препараты?

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

Однако Вадим Резников оказался совершенно не похож на тех докторов, с которыми Ева имела дело прежде. Он не разговаривал с ней на «ты» и снисходительно-усталым тоном, как делали его предшественники. Он был веселым, улыбчивым, от него так и веяло оптимизмом, что сразу бросилось Еве в глаза и даже заставило в конце первого разговора вяло улыбнуться.

— У вас совершенно очаровательная улыбка, Ева Александровна. Вам нужно делать это почаще, — заметил врач, вставая из-за стола, чтобы открыть Еве дверь.

— У меня нет повода, — сразу сникла она, ссутулилась и, шаркая тапочками, побрела по полутемному коридору к двери, ведущей в отделение.

Ее не сопровождал санитар — Ева здесь считалась тихой, не доставляющей хлопот персоналу, кроме того, ее знали давно, попыток убежать она не делала, так что в кабинет врача могла ходить самостоятельно.

Вадим Резников сумел добиться с ней ощутимых результатов не сразу, но постепенно Ева начала открываться ему, рассказывать о страхах, о том, как не хочет покидать стены больницы и уже морально готова к переезду в пансионат, откуда ей не придется выходить.

— А зачем вам это? — удивился Вадим. — Вы совершенно нормальная, социально адаптированная — к чему вам жить в спецучреждении? В изоляции? Вы по профессии кто, я запомятовал?

— Мы об этом не говорили... я вообще-то в педагогическом училась, на преподавателя начальных классов...

— Н-да...— Вадим почесал затылок каким-то совсем домашним, неформальным жестом, и у Евы вдруг немного потеплело на душе: этот доктор разговаривал с ней как с равной, а не как с пациенткой. — Но вам ведь еще совсем мало лет, можно чему-то новому учиться — даже здесь. Давайте так. Вы к нашей следующей встрече подумайте, чем бы хотели заниматься — ну, не знаю, рисование там, вышивка...

— Иголок нельзя здесь.

— Ой, глупости! Вам-то почему нельзя?

— Вдруг проглочу...

— Да бросьте вы себя пугать, Ева Александровна! Проглотит она... Я совершенно искренне считаю, что все, что с вами творится, только лишь последствия сильнейшего стресса. Да, депрессия затянулась, но органических поражений мозга у вас нет. Так что и иголки можно, и даже спицы, если вязать захотите.

Вадим был первым, кто не считал ее психически больной. Эта мысль так поразила Еву, что она невольно заплакала.

— Так, все, берем себя в ручки и выполняем задание, хорошо? — Он чуть сжал ее плечо, и Ева согласнo закивала. — Вот и молодец. Мы еще найдем настоящую Еву, вот увидите.

Спустя годы Ева не перестала испытывать к Вадиму глубокую благодарность, как к человеку, разглядевшему в ней не психически больную пациентку, а кого-то другого. Он стал для нее больше чем врачом — он стал человеком, сумевшим разогнать утренний туман с запахом мокрой осенней листвы, опутывавший ее по рукам и ногам все годы после того происшествия.

Москва, наши дни

Колесников нервничал. Его источник не отвечал на звонки, а думать о чем-то другом Тимофей просто не мог. Новая статья не писалась, он бесцельно смотрел в монитор и не видел уже написанных строк.

Раздраженно оттолкнув ноутбук, Тимофей откинулся на спинку кресла, закинул руки за голову и шумно выдохнул. Его очень задело, что какая-то никому не известная провинциальная соплюха пытается зарабатывать на его теме. Его! Он совершенно серьезно считал тот цикл статей и телерепортажей о серийном убийце собственной находкой, только он мог работать в этой теме, только он должен был продолжать писать — если уж там снова было о чем писать.

— Но какого черта молчит Иваныч? — снова набрав номер и выслушав длинные гудки, пробормотал Тимофей. — Если в деле Бегущего появились какие-то новые детали, почему я не узнал об этом?

Ему и в голову не приходило, что его источник мог просто забыть об этом старом, хоть и нашумевшем деле. Действительно, столько лет прошло, убийца в тюрьме, сидеть ему еще долго, почему Иваныч должен об этом помнить? Хотя сотруднику отдела по связям с общественностью не могло не быть известно о новых обстоятельствах, если они на самом деле появились.

— Ведь с чего-то же эта курица взяла, что Бегущего могут освободить? Не на ровном же месте, по таким делам условно-досрочного не предусмотрено, — бормотал Тимофей, откладывая мобильный и дотягиваясь до сигаретной пачки.

МАРИНА КРАМЕР

— Тимоша! — раздался капризный женский голос на лестнице. — Ты чего тут закрылся?

Колесников раздраженно бросил на стол незажженную сигарету.

— Я просил не называть меня так?! — рывкнул он, и вошедшая в кабинет стройная блондинка в длинном шелковом халате обиженно спросила:

— А почему ты на меня кричишь?

— Потому что ты мне мешаешь! Я просил не подниматься на второй этаж, когда я работаю, неужели это так трудно?!

Девушка повернулась и вышла, хлопнув дверью, и Тимофей едва сдержался, чтобы не заорать еще громче.

«Будет теперь ходить весь день с недовольной моськой, — все так же раздраженно подумал он, снова беря сигарету и щелкая зажигалкой. — Почему я вообще ее терплю? Ведь дура же, пустышка! Одни нервы!»

Мила Пестова была девушкой очень красивой и почти такой же глупой, это Тимофей понял почти сразу, с первых минут знакомства. Он увидел ее около трех лет назад в ресторане, где отмечал день рождения, она пришла с кем-то из его друзей, но по окончании шумной и пьяной вечеринки уехала с Тимофеем, а наутро вовсе не торопилась покидать его загородный дом.

Колесников тогда не возражал — ему даже в какой-то момент начало казаться, что Мила подходит ему в качестве подруги: с ней было легко, она прекрасно готовила, всегда хорошо выглядела, смотрела на него снизу-вверх — ей льстило, что такой известный журналист, чье имя мелькает в самых престиж-